

Л.Х. Сатушиева

Поступила в редакцию: 03.11.2015

Передана на рецензию: 04.11.2015

Получена рецензия: 12.11.2015

Принята в номер: 25.12.2015

**«Мусульманский вопрос» в российской политике на Северном Кавказе
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова;
lhsatushieva@mail.ru*

В статье, основанной на новых архивных материалах (в частности, национального архива Грузии), изучаются аспекты российской (гражданской и военной) политики на Северном Кавказе. В ней рассматривается роль ислама в этой политике, освещается статус ислама у народов Северного Кавказа. Российские власти официально объявляли о полной свободе вероисповедания, в том числе и для мусульман Северного Кавказа. Тем не менее права горцев на свободу вероисповедания не было в реальной жизни, а была политика архаизации («адатизации») и христианизации. Адат и христианство стали двумя ключевыми инструментами пророссийской государственной идеологии. Русская Православная церковь в лице Св. Синода, с одной стороны, отстаивала геополитические интересы России на Северном Кавказе, а с другой, сама была активным «игроком», борющимся за важную роль в регионе.

Отношение к северокавказскому исламу было связано с политической парадигмой. Особенно эта связь усилилась во второй половине XIX в. Ослабление ислама было связано со стремлением подавить сопротивление тех групп инородцев, которые стремились к государственной независимости на Кавказе. К началу XX в. Российская империя лишь частично признала права иноэтничных народов на религию.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, народы, ислам, Россия, имперская политика.*

The aim of the article is to examine the role of Islam in the Russian civil and military policy in North Caucasus. The study based on new materials from the National Archives of Georgia is focused on the new aspects of this policy. The author considers the role of Islam in this policy and highlights the status of Islam among the peoples of North Caucasus. The Russian authorities officially declared absolute religious freedom, including that for the Muslims of North Caucasus. Nevertheless, there was no such freedom in reality: instead, there dominated the policy of archaisation (adatization) and Christianization. The adats and Christianity became two key instruments of the pro-Russian official ideology. The Russian Orthodox Church (St. Synod), on the one hand, protected the geopolitical interests of Russia in North Caucasus, and, on the other hand, it was an active participant in the political life of this region. The attitude to North Caucasian Islam was determined by the political paradigm. In particular, this clearly manifested in the second half of the 19th century. The limitation of Islam in North Caucasus was connected with the desire to suppress the opposition of those ethnic groups which aspired to state independence in this region. By the beginning of the 20th century, the Russian Empire had only partially recognized the rights of ethnic minorities to confess Islam.

Keywords: *North Caucasus, peoples, Islam, Russia, imperial policy.*

Введение

Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. во многом определялась тем местом, которое занимал в ней исламский вопрос. Предлагаемая статья, подготовленная на основе некоторых новых архивных материалов, посвящена анализу отдельных аспектов регулятивных систем, введенных на Кавказе Российской империей, применительно к исламу. Цель данной работы – показать последствия

формировавшегося российской администрацией на Кавказе интеграционного правового поля для становления мусульманской идентичности народов Северного Кавказа.

Концепция свободы вероисповедания в российской политике

Как и в первой половине XIX в., российские власти официально объявляли о полной свободе вероисповедания, в том числе и для мусульман империи. Так, в 1860 г. Наместник Кавказский А.И. Барятинский «утверждал свободное отправление их религии»¹. В 1869 г. командующий войсками Кубанской области Г.И. Филипсон подтвердил натухайцам право на «полную свободу вероисповедания и беспрепятственное отправление богослужебных обрядов»².

Между тем обратимся к отчету того же князя А.И. Барятинского за 1857–1859 гг., в котором он указывал, что «устройство управления покорными горцами составляет главную задачу текущего периода. Дело это почти везде приходилось начать сизнова, потому что все прежнее управление было основано на уничтожении властей, созданных народной жизнью и на владычестве шариата, необходимо соединенного с преобладанием мусульманского духовенства... Кавказское начальство очевидно увлекалось ложной системой. Оно стремилось приобрести скорое сочувствие большинства населения, пренебрегая родовыми интересами, старалось восстановить мусульманское духовенство, в предположении, что духовенство есть лучшее оружие для сближения с массами, так как народ всегда проявлял больше сочувствия к шариату, уравнивавшему всех, нежели к адату, устанавливающему исключительное влияние и могущество отдельных родовых личностей». Поэтому А.И. Барятинский предлагал ослабить ислам и шариат, ослабить идеологию мюридизма, «восстановить высшие сословия и адат», ввести словесное судопроизводство, основанное на адате и постепенно сближать его с основами российского законодательства³, что и было сделано [1, с. 184–210; 4].

В его же докладе начала 1860-х годов под названием «Об административном, судебном и земельном устройстве горских племен и о мерах к подавлению восстания среди Горского населения» мы находим следующие слова: «я имел счастье представить... (пропуск текста)... распространить в горах христианское вероисповедание... я принял некоторые частные меры для того, чтобы остановить распространение мусульманства... для противодействия разливу мусульманства необходимо отделить христианское население от магометанского...»⁴.

Несмотря на декларативное право горцев на свободное вероисповедание, по сути, продолжалась политика архаизации (или адатизации) и христианизации. Адат и христианство стали двумя ключевыми инструментами пророссийской государственной идеологии [2], тогда как юридические основы в ней прослеживаются достаточно слабо. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Христианство против ислама

К середине XIX в. в российской администрации сформировалась точка зрения, что для решения геополитических задач на Северном Кавказе следует в максимальной степени восстановить христианство⁵. Князь А.И. Барятинский писал: «в первые тридцать лет своего владычества на Кавказе Правительство не обращало на этот предмет внимания... Христианское население становится все более и более мусульманским и проникается враждою к русской власти»⁶. Наместник подчеркивал

¹ Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссией. – Тифлис, 1904. – Т. 12. – С. 839.

² Там же. – С. 855.

³ Там же. – С. 1275.

⁴ Там же. – С. 1360.

⁵ См. также: Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.

⁶ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 5. Л. 94–119.

необходимость использования после военных подвигов «мирных гражданских мер к успокоению края... религиозный прозелитизм, распространение христианской религии, которая должна смягчить нравы варварских обитателей Кавказа..., будут без сомнения благодетельным явлением, но должно признать, что в наше время распространение христианства между полудикими племенами не может совершаться в тех формах, в каких бывало это в века великого религиозного фанатизма»¹.

Однако далеко не все православное духовенство было согласно со словом «восстановление», считая, что это скорее «политический ход», чем реальность. В частности, митрополит Московский Филарет считал, что «Общество будет заниматься основанием православия в новых местах, поэтому общество надо называть «Российским Обществом распространения христианства»².

В этом контексте представляется крайне интересной, по нашему мнению, Записка Начальника Главного Штаба Кавказской армии, генерал-майора Д.А. Милютин, которую он подготовил для А.И. Барятинского в 1857 г., под названием «О настоящем положении Христианской веры между горными племенами Кавказа и об учреждении особого братства под названием «Воздвижение Святого креста». Причем, к сожалению, самой записки мы не нашли в архивах, но в нашем распоряжении есть другой документ – обсуждение этой записки в Кавказском комитете 2 декабря 1857 г.³

В этом документе Д.А. Милютин сделал анализ причин распространения среди «диких племен» (имелись в виду народы Северного Кавказа) исламизма и мюридизма. Автор писал следующее: «Из дел Комитета видно, что почти все бывшие Главные Начальники Кавказского и Закавказского Края неоднократно представляли о совершенной безуспешности всех мер, принимаемых для водворения и упрочения Христианства между осетинами и другими народами Кавказа». Он подчеркивал, что «мусульманство гораздо понятнее дикарю. Коран не требует от человека никаких усилий, чтобы возвыситься над своим естественным состоянием, напротив, он освещает это состояние как должное, узаконивает все его побуждения: чувственность, беспечность, личную месть, кровопролитие для приобретения добычи, все, что нужно хищнику. Кроме того, мусульманство для Кавказских народов вера, можно сказать, патриотическая в том смысле, что она есть символ и знамя их независимости, независимости, в которой для горца заключается все, чем ему мила жизнь. Такая оценка веры с политической стороны существует одинаково у мирных и у немирных, у мусульман и у безверных. Для всего населения Кавказского хребта Горец мусульманин свой человек, везде имеющий право на почет и доверенность, немусульманин – парий отверженец, раб, оттого в племенах смешанных мусульманин со дня рождения привыкает считать себя человеком высшего достоинства. Проповедники мюридизма являвшиеся по среди наших пол – христианских племен, олицетворяли в их понятии идеал мужского величия: полны страстного убеждения и отваги, готовые всякую минуту на мученичество, но не мученичество страдательное, которое горец пока не понимает, а на гордую смерть в самом неравном бою против гяуров во славу Божию, эти люди производили всегда глубокое впечатление на полудикий народ. Исламизм увлекал горца со всех сторон жизни, ему доступных... Борьба с таким врагом в горах, в среде, как будто нарочно для него созданной, могло только истинное Христианское самоотвержение, поддержанное самым деятельным участием Правительства». Он подчеркивал, что «с одной стороны, мы удерживаем горцев в Христианстве официальными мерами, принимаемыми издали, приводимыми в действие через гражданских и духовных чиновников, исполняющих свой урок, с другой стороны, этих же Горцев увлекает в мусульманство страстное убеждение всего соседнего народа, готового всегда сложить голову за то, что он считает истиной... С убеждением может

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 445 Ч. 1. Л. 44–45.

² Там же. Л. 63–68.

³ Там же. Ф. 796. Оп. 139. Д. 82. Л. 1–11.

бороться только убеждение... русские сердца отзовутся на призывный голос веры и долга и сейчас же найдутся средства пресечь *это зло*»¹.

Таким образом, мы видим среди высшего генералитета четкую установку на использование христианства и Священного Синода в качестве противодействия исламу. Ни о какой свободе исповедания мусульман Северного Кавказа речь не шла.

24 января 1858 г. Указом № 13 Св. Синода было принято Постановление «Об учреждении Общества для поддержания и распространения Православия между горными племенами Кавказа». 3 октября 1858 г. Указом № 124 было учреждено Общество с магистерским крестом. Со временем название Общества было изменено. Оно стало называться Обществом восстановления Православного Христианства на Кавказе (5 марта 1860 г.).

Чрезвычайно интересным, с нашей точки зрения, представляется еще один архивный документ – Записка Экзарха Грузии о. Евсея «О мерах распространения христианства между магометанами и язычниками на Кавказе»². Ее можно датировать примерно 1860 годом. Владыка Евсей был крупным православным деятелем своего времени. Он считал, что успехи христианизации на Северном Кавказе зависят «от нравственного, умственного, религиозного и политического состояния горских племен, от тех мер, которые употреблялись ранее в деле христианизации, и от тех препятствий, какие ранее мешали миссионерской деятельности... состояние горских племен всегда было близко к полудикому, естественному состоянию первобытных племен. Понятия, образ жизни, обычаи и законы большей части Кавказских племен сложились под влиянием дикой и суровой природы и преданий времен отдаленных, когда они были просвещены верою Христовою, хотя остатки христианских понятий чрезвычайно малозначительны и соединены с суевериями, наконец, постоянных враждебных отношений разных обществ и племен между собой... в умственном отношении все почти горские племена стоят на самой низкой ступени, они умеют выделывать только оружие, столь необходимое для них, домашнюю посуду, необходимые для одежды материи и строить незатейливые дома – и ничего похожего на образование письменное... распространение магометанства скорее политическое, нежели религиозное». Ислам «удобен для чувственных горцев, но в целом горцы, исключая мюридов, в сущности, равнодушны ко всякой религии, и только по наружности исповедуют мертвые формы магометанства». О. Евсей подчеркивал, что «нравственное состояние горцев самое испорченное и плачевное... Кроме немногих похвальных качеств, например гостеприимства, верности данному слову и т. п., все в них грубо, жестко и дико. Разбойничество, кровомщение, чувственная жизнь, корыстолюбие – их преобладающие склонности... Нет таких преступлений, которые не могли бы быть оправданы и освещены народным адатом и шариадом»³.

Интересен вопрос о том, должны ли были горцы, поступившие на военную или гражданскую службу, проходить обряд христианского крещения. Безусловно, принятие православия приветствовалось российской гражданской и военной властью, тем не менее горцы могли сохранять свою веру, находясь на российской службе. Приведем пример судьбы кабардинского узденя Фицы Жентемироевичы Абдрахманова. Абдрахманов родился в 1814 г. в семье кабардинских узденей Большой Кабарды, окончил частное учебное заведение, имел много орденов, в том числе и медаль «За покорение Западного Кавказа», служил в Анапском Горском полуэскадроне (1847 г.), позднее стал приставом закубанских ногойцев, тахтамышевских аулов, начальником Абадзехского округа. В 1865 г. в звании полковника стал начальником Лабинского военного округа. За службу получил

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 139. Д. 82. Л. 9–11.

² Национальный архив Грузии. Ф. № 488. Оп. 1. Д. 18276. Л. 1–10.

³ Там же. Л. 56.

крупные земельные участки и владел значительным количеством крестьян... и при этом, как отмечено в архивном деле, он оставался все годы службы... мусульманином¹.

Приведем и еще одно интересное дело. Управляющий делами Кавказского комитета направил просьбу в Св. Синод о разрешении произвести развод между мусульманином и православной в г. Кизляре. Мусульманин Казыкумыкского округа (Дагестанская область) Абдурахман Магоматов был женат мусульманским браком на женщине по имени Лейла. Лейла в тайне от мужа в феврале 1856 г. приняла православное крещение, которое совершил протоиерей Кизлярского собора Поспелов, получив имя Мария. Муж решил уехать на свою родину в Дагестан, где у него уже была другая жена, вместе со своей второй женой Лейлой. Попечитель горцев в Кизляре полковник Пиотровский отказал ему в этом, предложив Абдурахману вначале развестись с Лейлой (Марией) по российскому гражданскому праву и уехать одному, а женщину оставить в покое. Против был и командующий российскими войсками в Каспийском крае, генерал-лейтенант князь Орбелиани, который подчеркнул следующее: «если Марья Магоматова будет возвращена мужу и приведена им в Казыкумык, то она неминуемо будет лишена жизни тайными истязаниями или явным нападением ее родственников, потому в крае, где большинство населения состоит из магометан, и в особенности в Дагестане, где ислам исповедуется с фанатизмом, для мусульман нет возмутительней примера, как видеть женщину магометанку, ищущую принять православие с тою только целью, чтобы выйти из-под надзора родственников и единоверцев, и потом свободно предаваться разврату». В результате дело было отправлено управляющему Ставропольской губернии с просьбой «расторгнуть брак административным путем», а Марию отправить в женский монастырь, что и было сделано. Св. Синод принял решение об отправлении Марии на 15 лет в трехклассный монастырь Благовещенский Астраханской епархии².

Таким образом, Русская Православная церковь в лице Св. Синода, с одной стороны, была инструментом в геополитической политике России на Северном Кавказе, а с другой, сама была активным «игроком», стремилась играть важную роль в регионе.

Эволюция отношения к исламу на Северном Кавказе

Отношение к северокавказскому исламу, как мы видим, было связано с политической парадигмой. Особенно эта связь усилилась, по нашему мнению, во второй половине XIX в. Опишем этот процесс на примере разрешения на посещение мусульманами Мекки. В 1859 г. Главнокомандующий Кавказской армией написал секретную Записку министру иностранных дел, в которой он отмечал следующее: «С давнего времени принято было на Кавказе за правило, по возможности, затруднять увольнение Кавказских мусульман в Турцию и Мекку, чтобы устранить то вредное влияние в крае, которое производят возвращающиеся на Кавказ горцы, выносящие из означенных мест дух религиозной нетерпимости и враждебное расположение к России. Но, с другой стороны, ограничивая увольнение горцев, мы впадали в противоположную крайность и возбуждали тем неудовольствие в Кавказских мусульманах, которые смотрели на противопоставляемые нами препятствия к исполнению священного, по их понятиям, долга как на гонение их религии. Это обстоятельство подавало против нас оружие властолюбивым распространителям мюридизма. Для умиротворения Кавказа необходимо было, в числе других мер, допустить облегчение в увольнение горцев в Мекку, особенно же с того времени, когда многочисленные племена, долго отстаивавшие свою независимость, начали добровольно нам покоряться»³.

¹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 5. Л. 255.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 138. Д. 468. Л. 2 об.

³ Акты, собранные Кавказскою Археографической комиссией. – Тифлис, 1904. – Т. 12. – С. 51.

В 1868 г. в российской администрации рассматривался вопрос о взимании пошлин за выдачу загранпаспортов. До 1860-х годов у горцев, как и у крымских татар, при получении загранпаспортов была льгота. Согласно документу начальника Сухумского военного отдела в Кавказском военном округе для горцев была восстановлена высокая пошлина. Это было сделано с целью ослабления влияния одноплеменников в Турции, «зараженных антагонизмом ко всему русскому и старающихся развить эти чувства в оставшейся в России массе туземного населения»¹.

В целом, основным содержанием национально-религиозной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX в. было создание, с одной стороны, благоприятных условий для проживания присоединенных к Российской империи народов, а с другой – системы государственной безопасности, позволяющей ослабить сопротивление тех групп инородцев, которые стремились к государственной независимости. Поэтому эволюция религиозной политики Российской империи шла от создания жесточайших мер по ограничению распространения ислама, среди которых была и система уголовного наказания, до формирования равных прав для отправления религиозного культа.

Правовой статус российского мусульманского населения определялся согласно общегражданскому праву, тем не менее, в сфере брачных и семейно-наследственных вопросов в Российской империи признавалось также действие мусульманского права. Эволюция самого российского светского законодательства, регулирующего правовой статус российских мусульман в России, проходила в рамках от создания отдельных правовых документов, отражающих решение конкретного дела (правовой прецедент), до формирования общих правовых основ, распространявшихся на всех мусульман империи, включая Северный Кавказ. Этот процесс не был завершен. Горцы Северного Кавказа вплоть до 1917 г. оставались под непосредственным руководством местных военных властей, тогда как мусульмане других национальных регионов империи имели свои собственные духовные правления, которые являлись посредниками между российской (преимущественно, гражданской) властью и исламскими общинами.

Как показывает анализ, Российская империя лишь частично признала права иноэтнических народов на религию. В целом, можно разделить основные права и обязанности мусульманского руководства, называемого в российских источниках мусульманским духовенством (по типу православного духовенства, поскольку в самой исламской доктрине и теории понятия духовенства, т. е. какого-либо исламского руководящего учреждения, нет), и права и обязанности многочисленных российских мусульман.

По сути, права и обязанности как мусульманского духовенства, так и остальных российских мусульман, определялись двумя механизмами: 1) путем российского светского законодательства, учитывавшего отчасти и нормы адата (обычного права), и нормы мусульманского права (шариата), 2) путем создания временных инструкций и предписаний. Правовой статус ислама в различных регионах Российской империи определялся тем, что мусульманские народы включались в состав империи на разных исторических этапах развития российской государственности. Поскольку Северный Кавказ в действительности оказался включенным намного позже, чем другие регионы, то здесь и не была введена правовая система регулирования положения мусульман [3; 4].

Заключение

Анализ российского законодательства показывает, что оно не создавало препятствий для некоренного населения империи для получения равных гражданских прав с русским

¹ Национальный архив Грузии. Ф. 5. Оп. 1. Д. 424. Л. 1–3.

населением, но было и много исключений (получение статуса российского дворянства и т. д.), которые свидетельствовали о наличии элементов правовой дискриминации мусульман в XVII – начале XX в. по вероисповедному или же национальному принципам [8, с. 91].

Литература

1. Бобровников В.О., Бабич И.Л., Соловьева Л.Т. Реформы и контрреформы в Кавказском наместничестве // Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.
2. Газимагомедов Р.Ш. Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 164–171.
3. Кодан С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX вв.) // Социодинамика. – 2012. – № 2. – С. 88–117.
4. Красняков Н.И. Эволюция политико-правовых подходов к сохранению государственного единства Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2014. – № 4. – С. 41–50.
5. Наскидаева Е.Н. Исторический опыт российско-кавказского межрелигиозного взаимодействия. – Владикавказ, 2014.
6. Охонько Я.Н. Становление российской государственности в Предкавказье в XVIII – XIX вв.: дис. ... к. юр. н. – Ставрополь, 2009
7. Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916 гг. – Казань, 2005.
8. Халидова О.Б. Религиозная политика Российского государства в начале XX в. и ее влияние на мусульманское население Северо-Восточного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 108–115.

References

1. Bobrovnikov V.O., Babich I.L., Solovjova L.T. Reformi i contr-reformi v Kavkazskom namestnichestve [Reforms and Counter-Reforms in the Caucasian Viceroyalty] *Severnii Kavkaz v sostave Rossiiskoy imperii* [North Caucasus as Part the Russian Empire] Moscow, 2007. (in Russian)
2. Gazimagomedov R.Sh. Konfessionalnaja politika Rossiiskoi imperii v Dagestane v seredine XIX – nachale XX [Confessional Policy of the Russian Empire in Dagestan in the Middle of the 19th – Early 20th Centuries] *Voprosi istorii* [Issues of History]. 2014, no. 5, Pp. 164–171. (in Russian)
3. Kadan S.V. Politiko-jyridicheskii podhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovogo razvitija Rossii (XIX – nachalo XX) [Political and Juridical Approach to the Study of State-Legal Development of Russia (the 19th – Early 20th Century)] *Sociodinamika* [Social Dynamics] 2012, no. 2, Pp. 88–117. (in Russian)
4. Hkrasnjakov N.I. Evolucia politico-pravovih podhodov k sohraneniu gosudarstvennogo edinstva Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX) [Evolution of Political and Legal Approaches to the Preservation of the State Unity of the Russian Empire (the 18th – Early 20th Century)] *Vestnik Omskogo universiteta. Seria Pravo* [Bulletin of Omsk University. Law Series]. 2014, no. 4, Pp. 41–50. (in Russian)
5. Naskidaeva E.N. *Istoricheskii opit possiisko-kavkazskogo meszhrelijoznogo vzaimodeistva*. [The Historical Experience of the Russian-Caucasian Inter-Religious Interaction] Vladikavkaz, 2014. (in Russian)
6. Ohon'ko Ja.N. *Stanovlenie rossiiskoi gosudarstvennosti v Predkavkazie v XVIII–XIX vv.* [The Formation of Russian Statehood in the Ciscaucasian Area in the 18th – 19th Centuries] Dissert. K.ju.n. Stavropol, 2009. (in Russian)

7. Usmanova D.M. *Musul'manskiye deputaty v Rossiiskom parlamente. 1906–1916. [Muslim Representatives in the Russian Parliament, 1906–1916]* Kazan, 2005. (in Russian)

8. Khalidova O.B. *Religioznaya politika Rossiiskogo gosudarstva v nachale KhKh v. i ee vliyaniye na musul'manskoye naseleniye Severo-Vostochnogo Kavkaza [Religious Policy of the Russian State in the Early 20th Century and its Impact on the Muslim Population of Northeastern Caucasus]* *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii. [Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]* 2014, no. 1, Pp. 108–115.